

Якушкин Павел Иванович, родился в 1822 г. в усадьбе Сабурово Малоархангельского уезда Орловской губернии, в зажиточной дворянской семье. Закончил Орловскую гимназию, в 1840 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета. Работал учителем в уездных училищах в Богодухове, потом в Обояни Харьковского учебного округа. Знакомство с М. П. Погодиным и ещё более с П. В. Киреевским увело его совсем на другую дорогу – он стал заниматься сбором народного фольклора. Киреевский на собственный счёт отправил его для исследования в северные поволжские губернии. Якушкин путешествовал под видом торговца – офеня. По возвращении из похода в Москву Якушкин через М. П. Погодина стал известен славянофилам. Якушкин дальнейшие походы совершал в качестве члена Русского Географического общества. С 1858 г. публиковался в журналах «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Современник». Составил сборник русских народных песен и опубликовал в журнале «Отечественные записки». В 1865 г. на встрече с писателями П. М. Мельниковым, В. П. Безобразовым, П. Д. Боборыкиным, И.А. Арсеньевым был арестован по ложному доносу в Нижнем Новгороде, как «опасный агитатор» и сослан с начала на родину в Орловскую, затем в Астраханскую губернию. Проживал под административным надзором в Красном Яре, Енотаевске. В 1871 г. он переехал в Самару, где и умер 8 января 1872 г. Мимо Сарепты проехал по Волге в 1870 г. на пароходе.

Якушкин П. И. Сочинения. «Современник». Москва, 1986 // Путевые письма. С. 304. VII. Из Астраханской губернии. Астрахань, 9 июля 1868 г.

Европа граничит к северу Северным океаном, к западу Атлантическим к югу Средиземном морем, к востоку... Об этом говорят различно: Азовским морем, Манычем, Каспийским морем; теперь новейшие ученые, не знаю, на каком основании, переносят эту границу далеко восточнее. Для чего они глумятся над обучающимся юношеством – я понять не могу. Скажите, пожалуйста, какая Европа за Царицыным и Сарептой? Не знаю: выше

Царицына по Волге Европа или Азия, но ниже совершенно чистая Азия. Ежели турки залезли в Европу, то и европейцы залезли в Азию, построили несколько будто городов, назвали это место губерниями – Астраханской, Оренбургской (даже и прозвище – *губернии* – европейское!) – и стала кочевая Азия – Европой!...

...В ожидании поезда в Царицын, мы вернулись на станцию, где застали какого-то мещанина, родственника хозяина станции. Мы скоро разговорились; оказалось, что он нанимался гурты гонять. О своем промысле он ничего не мог сказать мне, кажется, потому, что занимался своим делом не рассуждая, а так, по привычке; я даже думаю, что он слышал слова профессора И. И. Давыдова: "не надо знать, чтобы верить; а надо верить, чтобы знать".

– Я думаю, трудно идти с гуртом? – спросил я его, когда мы уже с ним разговорились.

– Как не трудно!..

– И дождь и слякоть...

– Да вот я вам скажу, начал он: – стоим мы около Сарепты. Только дождь, вьюга, а уж ночь... Дело было осенью... Водки выпить – негде: в Сарепте дадут тебе в окошечко стаканчик, а так хоть ты издохни – ни за какие деньги ни капельки не дадут!... Как быть!?!.. А надо выпить... Сел на лошадь, поехал в Сарепту. Подъезжаю к окошечку, где немец водку продает. Постучался в оконце. Немец отворил оконце. "Что надо?" спрашивает. "Дай стаканчик водки" говорю. "Давай деньги". Я ему в оконце подал деньги, а он мне из оконца подал стаканчик. Выпил, ну сами знаете: в такую пору, что сделает один стаканчик? Просить у немца – это, я знаю, все равно, что воду толочь... А выпить надо: продрог так, что беда!... Вот я отъехал на лошади сажень за пятнадцать, слез, привязал лошадь, а сам пошел пешком не к оконцу, а к воротам... Стучусь... "Что надо?" "Пустите, говорю, переночевать: весь перемерз"!... Немцы на этот счет народ добрый, сейчас отперли, впустили. Я так, и так, говорю, перемерз, одолжите стаканчик. Взяли деньги,

принесли стаканчик. "Ложись, говорят, на печь, согрейся". Лег я на печь, а сам нарочно зубами ляскаю, будто дрожу... "Нельзя ли, говорю, почтенные, еще стаканчик принести?" – Нельзя, говорят немцы: больше пить нехорошо. "Да я разве пить? "Я хочу вытереться водкой: скорей согреешься". – Это можно. Взял деньги немец, принес водки. Только я взял в руки стаканчик, да при всех и хлопнул!... Как крикнут на меня немцы, а я: "спасибо, говорю, я у вас три стаканчика разом хлопнул!..." Нѣмцы ругаться, а я хлопнул дверью, да и был таков!... Приехал в гурт, рассказал своим ребятам: того смеху-то было!...

– А ежели-б вашу лошадь украли в эту ночь? спросил я: – ведь вы ее оставили ночью одну на улице?

– В Сарепте-то?

– Да, в Сарепте.

– В Сарепте не украдут.

– Отчего же?

– Ни Боже мой!

– В Сарепте никаких таких шалостей не делается, заговорил хозяин станции: – так об воровстве и не слышно. Не только краденого никому не продашь, а и своего не смей сам продавать, а отнеси в магазин: там тебе продадут, и денежки тебе выдадут; а сам не смей.

– Отчего же?

– А чтоб цены друг у друга не перебивали.

– А коли деньги кому нужны?

– Вот для самого этого так у них положено. Теперь нашему мужику деньги нужны; он продаст все: что ни взять, хоть полцены, а продать надо. А у них видят, что тебе нужда неминуемая – денег дадут, а ты все-таки продавать не смей... Как есть – до одного зерна все неси в магазин.

Время отъезда приближалось, и мы отправились на станцию железной дороги, которая подходит к самому Дону в Калаче, а также и к Волге в Царицыне...